

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Н. Д. Телешов

ЗОРЕНЬКА

*Издательство
„Детская литература“*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ТЕЛЕШОВ Н. Д.

ЗОРЕНЬКА

Сказки

Москва
«Детская литература»
1980

В этой книжке вы прочитаете замечательные сказки писателя Николая Дмитриевича Телешова (1867—1957).

Художественные образы, яркий язык сказок делают их необыкновенно близкими народному творчеству — фольклору, неиссякаемому источнику вдохновения, издавна питающему многие поколения русских писателей.

Рисунки И. Година

$\frac{70802-379}{T \ M101(03)80}$ 214—80

КРУПЕНИЧКА

У воеводы Всеслава была единственная дочь по имени Крупеничка. Шли год за годом, и из русой девочки с голубыми глазами обратилась Крупеничка в редкостную красавицу. Стали подумывать родители, за кого отдать её замуж. Выдавать на чужую сторону они и думать не хотели и выбирали такого зятя, чтобы жить всем вместе и никогда не расставаться с дочерью.

Слава о дивной красавице далеко разносилась вокруг, и Всеслав этим очень гордился. Но старая мамушка Варварушка боялась такой славы и всегда сердилась, когда её спрашивали о красоте Крупенички.

— Никакой красавицы у нас нет! — ворчала она. — Вон у соседей — у тех, правда, красавицы до-

чери. А у нас — девица как девица: таких везде много, как наша.

А сама налюбоваться и наглядеться не могла на свою Крупеничку. Знала, что красивей её никого нет; и красивее нет, и добрей, и милей нет. Старые и молодые, бедные и богатые, свои и чужие — все любили Крупеничку за её доброе сердце. В народе даже песенка про неё сложилась:

Крупеничка, красная девица,
Голубка ты наша, радость-сердце,
Живи, цвети, молодейся,
Будь всем добрым людям на радость.

Летела, летела слава о красоте Крупенички и долетела до татарского становища, до военачальника Талантая.

— Гой вы, храбрые воины, удалые наездники! Покажите-ка мне, что за красавица такая у воеводы Всеслава дочка его Крупеничка! — сказал Талантай. — Не годится ли она в жёны нашему хану?

Сели тогда на коней три наездника, надели на себя халаты: один — зелёный, точно трава, другой — серый, точно дорога лесная, третий — коричневый, как стволы сосен; прищурили хитрые глаза, улыбнулись друг другу одними углами губ, задорно встряхнули бритыми головами в мохнатых шапках и поехали-поскакали с молодецкими криками. А через несколько дней вернулись и привезли с собой Талантаю, для хана своего, подарок — дивную красавицу Крупеничку.

Шла она с мамушкой Барварушкой купаться в озере; а в лесу, как нарочно, ягодка за ягодкой спелая земляника так и заманивает глубже в чашу. А мамушка всё рассказывает ей про одолень-траву, что растёт белыми звёздами среди озера: надобно собрать этой одолень-травы и в пояс зашить, и тогда

с человеком никакой беды не случится — одолень-трава всякую беду отведёт. И вскрикнуть обе они не успели, как поднялась вдруг перед ними столбом серая пыль с тропинки, с одной стороны сорвался с места сосновый пенёк лесной и бросился им под ноги, а с другой стороны прыгнул на них зелёный куст. Подхватили они Крупеничку — и увидела тут мамушка Варварушка, что это был за зелёный куст; вцепилась она в него что было силы, но хитро извернулся татарин и выскользнул из своей одежды, злодей. Варварушка так и повалилась на землю с зелёным халатом в руках. А что было дальше, она не знала, не ведала, точно затмился с горя её рассудок. Сидит она целыми днями на берегу озера, глядит на простор воды да всё приговаривает:

— Одолень-трава! Одолей ты мне горы высокие, доли низкие, озёра синие, берега крутые, леса дремучие, дай ты мне, одолень-трава, увидеть мою милую Крупеничку!

Сидела она как-то над озером да выла и плакала, как вдруг подошёл к ней прохожий старичок — низенький, тоненький, с белой бородкой, с сумочкой за плечами — и говорит Варварушке:

— Иду я в дальнюю сторону басурманскую. Не снести ль кому от тебя поклон?

Обрадовалась Варварушка, бросилась с плачем старичку в ноги и опять заголосила как безумная:

— Одолень-трава, одолей ты злых людей. Лихо бы на нас не думали, дурно бы нам не делали. Верни, старичок, мне мою Крупеничку!

Выслушал старичок и ласково ответил:

— Коли так, будь же ты мне верной спутницей и помощницей! — сказал он мамушке и взмахнул рукавом над её головою.

И тотчас Варварушка обратилась в дорожный посох. С ним и пошёл старичок, опираясь, где трудно, раздвигая им в чащах кустарник, а в селениях отмахиваясь им от собак.

Шёл, шёл старичок и пришёл в татарское становище, где жил Талантай и где снаряжали сейчас караван для отсылки хану драгоценных подарков. Отсылали золото и меха, самоцветные камни и снаряжали в путь-дорогу красавиц невольниц. Среди них была и Крупеничка.

Остановился старичок возле дороги, по которой пойдёт караван, развернул свой узелок и начал раскладывать для продажи разные сласти — тут у него и мёд, и пряники, и орехи. Огляделся он по сторонам — нет ли кого, поднял над головой и бросил оземь свой посох дорожный, потом взмахнул над ним рукавом — и вместо посоха поднялась с травы и стоит перед ним мамушка Варварушка.

— Ну, теперь, мамушка, не зевай, — сказал старичок. — Гляди во все глаза на дорогу: на неё вскоре упадёт малое зёрнышко. Как упадёт, бери его скорей, зажимай в руку и береги, покуда домой не вернёмся. Смотри не потеряй зёрнышка, коль мила тебе твоя Крупеничка.

Вот тронулся караван из становища; проходит он по дороге мимо старичка, а тот на лужайке сидит, разложил вокруг себя сласти и приветливо покрикивает:

— Кушайте, красавицы, соты медовые, пряники душистые, орехи калёные!

И мамушка Варварушка ему поддакивает:

— Кушайте, красавицы: веселее будете, румянее станете!

Увидели их татары, велели сейчас же сластями красавиц попотчевать. И старики понесли им своё угощение:

— Кушайте, кушайте на здоровье!

Обступили их девушки; одни весело посмеиваются, другие молча глядят, третьи печалются, отворачиваются.

— Кушайте, девицы, кушайте, красавицы!

Ещё издали увидела Крупеничка свою мамушку Варварушку. Сердце так в груди и запрыгало, а лицо побелело. Чувствует она, что неспроста явилась старуха и неспроста не признаёт её, а идёт к ней словно чужая: не здоровается, не кланяется, идёт прямо на неё, во все глаза глядит и только громким голосом твердит одно и то же:

— Кушайте, милые, кушайте!

Старичок тоже покрикивает, а сам во все стороны раздаёт кому орехов, кому мёду, кому пряников — и всем стало вдруг весело.

Подошёл старичок поближе к Крупеничке, да как выбросит в воздух, в левую сторону от неё, у всех над головами, целую горсть гостинцев, да ещё горсть, да ещё горсть, а когда кинулись со смехом ловить да подбирать гостинцы, он взмахнул рукавом над Крупеничкой в правую сторону — и Крупенички не стало, а упало вместо неё на дорогу малое гречишное зёрнышко.

Мамушка бросилась за ним на землю, схватила зёрнышко в руку и зажала крепко-накрепко, а старичок махнул и над нею рукавом — и вместо Варварушки поднял с земли дорожный посох.

— Кушайте, кушайте, красавицы, на здоровье!

Отдал он поскорее все остатки, встряхнул пустой мешочек, поклонился всем в знак прощания и пошёл потихоньку своим путём, опираясь на посох. Татары ему ещё воловий пузырь с кумысом на дорогу дали.

Никто и не заметил сразу, что невольниц стало на одну меньше.

Так возвратился благополучно старичок на тот самый берег, где повстречался с мамушкой Варва-

рушкой, где вдоль по озеру раскинулись зелёные широкие листья и белыми звёздами по воде цвела одолень-трава. Кинул он оземь посох дорожный — и перед ним опять стоит мамушка Варварушка: правая рука в кулачок зажата и к сердцу приложена — не оторвёшь.

Спросил её старичок:

— Укажи мне: где здесь у вас поле, никогда не паханное, где земля, никогда не сеянная?

— А вот тут, около озера,— отвечает Варварушка,— поляна никогда не пахана, земля никогда не сеяна; цветёт она, чем сама засеется.

Взял тогда старичок из рук её гречневое зёрнышко, бросил его на землю несёяную и сказал:

— Крупеничка, красная девица, живи, цвети, молодейся добрым людям на радость!.. А ты, греча, выцветай, созревай, завивайся — будь ты всем людям на угоду!

Проговорил — и исчез старичок, как будто никогда его здесь и не было. Глядит мамушка Варварушка, протирает глаза, будто спросонья, и видит перед собой Крупеничку, красавицу свою ненаглядную, живую и здоровую.

А там, где упало малое зёрнышко, от шелухи его зазеленело невиданное доселе растение, и развело оно по всей стране цветистую душистую гречу, про которую и теперь, когда её сеют, поют старинную песенку:

Крупеничка, красная девица,
Кормилка ты наша, радость-сердце,
Цвети, выцветай, молодейся,
Мудрее, курчавей завивайся,
Будь добрым всем людям на угоду.

Во время посева, 13 июня, в день гречишницы, в старину всякого странника, бывало, угощали кашей досыта.

Странники ели да похваливали и желали, чтоб посев был счастливый, чтобы гречи уродилось на полях видимо-невидимо, потому что без хлеба и без каши — ни во что и труды наши!

1919

ЗОРЕНЬКА

I

Возвратился с охоты царь Косарь. Охота была удачная, и Косарь развеселился. Бросил поводья, едет да поглядывает по сторонам, поглядывает да посвистывает.

— Сильней меня никого вокруг нету. И умней и вольней меня никого нету. Хочу — свищу, хочу — казню, хочу — дела делаю!

Ехал он лесной дорожкой.

Впереди бежали собаки, шли псары и хранители, по сторонам ехали дружинники, позади — охотники и обозники со всяким добром. И вдруг среди леса

повстречался им пустынный-звездочёт, худенький седой старичок, о котором шла молва, будто он видит будущее и знает обо всём, что должно случиться.

Этот пустынный и предрёк царю Косарю, что есть на свете человек и умней его, Косаря, и сильнее его, который сначала завладеет его единственной дочерью, а через год завладеет и всем царством его. Завладеть — завладеет, но себе не возьмёт, а разделит его всем людям поровну. И человек этот скоро появится.

Не понравилось Косарю такое пророчество. Ничего не сказал он пустыннику, отъехал от него прочь, как будто и не слышал ни слова. Едет дальше, а сам всё думает: «Прийти-то, может быть, такой человек и придёт... Но только унесёт ли он от меня свою буйну голову?»

И стал Косарь придумывать, как избавиться от людей, помышляющих завладеть его дочерью. Завладеть ею никто силою не может — достаточно могуч для этого сам царь Косарь. Завладеть ею можно только через замужество, а она как раз в таком возрасте, когда только и жди со всех сторон женихов. Да и красавицей уродилась дочка его любимая, Зоренька. Такой красоты ни сам Косарь никогда нигде не видал и от других никогда про такую не слыхивал — вот какая была Зоренька, дочка его красавица!..

Только что вернулся Косарь домой и распоясаться ещё не успел, как уж ему докладывают, что приехали трое молодых людей, один другого краше, один другого знатнее. Приехали они по делам, о которых говорить желают только наедине с самим Косарём.

«Вот и женихи тут как тут!» — подумал Косарь с неудовольствием.

Хотел было сгоряча прогнать их с глаз долой, но

рассудил, что так выйдет неладно, да и посмотреть не мешает, точно ли они так умны, как говорил пустынный: умней самого Косаря!.. А отвадить их он сумеет и завтра, и по-хорошему, на то он и царь Косарь, умная голова!

Принял Косарь молодых гостей с почестями, накормил, напоил и начал расспрашивать, зачем к нему пожаловали. Молодые гости прямо ему ответили, что приехали свататься за дочку его Зореньку. Но так как их трое, то просят они его, царя Косаря, самого выбрать зятя себе по душе. А ежели он не захочет выбирать, то будут они тогда биться между собой, до тех пор будут биться, пока из всех троих только один в живых останется.

Это мне любо! — ответил Косарь, а сам про них подумал: «Ну, эти не великого, знать, ума! Пусть себе пока подерутся, а там видно будет!»

Облюбовали гости себе поляну в саду и назначили час поединка. Косарь немного спустя посылает узнать, как дела идут.

Вернулся посланец и доложил, что одного уж ухлопали: теперь только двое остались.

Подождал ещё Косарь и опять посылает узнать, как дела.

— И второго сейчас уложили. Остаётся один, но и тот стал хромой, и все щёки у него в дырах, и рука перешиблена.

— Ну, так скажи ему, что царь Косарь очень сожалеет, но только хромой зять да ещё весь в дырках ему не годится.

Так и отделался Косарь на первый случай от троих женихов. Но ненадолго.

Вскоре явились новые — сразу пять человек. Даже жутко стало царю Косарю.

«А вдруг среди них и кроется тот самый, который умней меня и сильнее меня? Что мне делать, как быть?»

Пригласил Косарь к себе женихов, накормил, угостил да и говорит:

— Были у нас недавно молодые люди, очень хорошие и храбрые. Так те битву между собой устроили, чтобы свататься лишь тому, который последний в живых останется.

Так и думал Косарь, что гости сейчас запылают, схватятся за мечи и пойдёт потасовка. Но женихи отвечали спокойно:

— Слышали мы про то. Слышали. Но ведь из боя можно выйти хромым, а хромые зятя не всякому нравятся.

Закусил Косарь себе ус, сидит думает, на женихов поглядывает и видит, что эти не так глупы, как прежние. И ещё больше начал смущаться. Не миновать: есть среди них тот самый умник, которого надо бояться. Что же делать? Как их отвадить?

— Все вы хороши и благородны, — сказал им Косарь. — Всякий из вас молод и храбр, и красавцы вы все один к одному. Как же мне рассудить теперь, кто из вас лучше, кто достойнее? Без боя не могу я решить этого. Не могу, стало быть, и дочь мою Зореньку выдать ни за кого из вас замуж.

Но и здесь женихи не смутились. Отвечают они так Косарю:

— Если не решаешься ты, кого выбрать в зятя, то дай это сделать самой дочери своей, прекрасной Зореньке. Кого изберёт она по сердцу себе, тому и быть женихом.

— Вот ещё выдумали! — рассердился Косарь. —

Никогда такого порядка нигде не было — и у нас не будет!

— Ну, тогда жребий кинем. К кому судьба благосклонна, тому и быть женихом.

«Вот привязались! — подумал Косарь. — Ладно же, покажу я вам ужо вашу судьбу, останетесь довольны!»

И ответил им громко:

— Хорошо. Будь по-вашему. На судьбу так на судьбу!

Молодые люди обрадовались: кто-нибудь из них всё же станет женихом и мужем красавицы Зореньки! Поднялись они, громко заговорили. Лица их разгорелись, глаза заблестели, и радостям их не было бы конца, если б Косарь не придумал добавить маленькое условие.

— На всё согласны! — вперёд решили они, не выслушав даже, в чём дело.

А дело было вот в чём. Ведь царская дочь — не копна сена, не мешок крупы, не овца из отары, чтобы ставить её на жребий. Эдак соседние цари уважение к Косарю потеряют, скажут — единственную дочь и ту замуж не сумел выдать. Поэтому — судьба судьбой, а достоинство достоинством.

— Недёшево только вам это обойдётся, друзья мои. Вон первые женихи своей жизни не пощадили, на поединок вышли. Поэтому я так теперь решаю — кто хочет жребий тянуть, тому одно из двух предстоит: либо Зореньку в невесты, либо голову с плеч долой. А то мне будет зазорно перед соседями!

Разгорячились молодые люди, не сообразили они всей опасности — и согласились.

На другой же день назначено было тянуть жребий.

На самом крутом берегу, высоко над рекой, на обрыве, выстроили помост, украсили его коврами,

ширинками¹ и цветами. Разбили возле помоста три шатра: посредине — из золотой парчи, для царя Косаря; по левую сторону его — серебряный, для придворных свидетелей, и по правую — радужный, для женихов. Дружинникам, гостям и зрителям отвели места на лугу, позади шатров, полукружием. А по ту сторону, где была самая кручь над рекой, стояла одинокая красная скамейка — для палача, чтобы сразу всякий видел, что собираются здесь не шутки шутить, а дело делать серьёзное. Чтобы всякий знал, на что он идёт: либо жениться, либо с кручи вниз головой валиться!

III

В назначенный час затрубили в трубы, и начали собираться на свои места все участники. На помосте утвердили стол, а на столе — золотой сосуд и покрыли его пеленой. Подошёл и сел на свою красную скамейку впереди помоста палач, бывший разбойник, здоровенный детина с засученными рукавами и расстёгнутым воротом рубашки. Но прежде чем сесть, он попробовал ногой доску, широкую и длинную, которая лежала одна поверх помоста и покачивалась на толстом бревне, точно весы или качели. Попробовал палач доску и успокоился.

Опять затрубили трубы, и вышел глашатай. Поднялся торжественно на помост, поклонился и громко заговорил:

— По приказу царя Косаря опущены на дно сего сосуда два камешка, оба одинаковые, только один из них светлый, как божья роса, а другой алый, как кровь. Кто вытащит светлый камень, тому

Ш и р и н к а — широкое, во всю ширину ткани, полотенце.

отдаёт царь Косарь в жёны прекрасную свою Зореньку, а ежели вытянет алый камень, пусть не прогневаётся: того в тот же миг спустит палач с этой кручи прямо на дно реки. Если есть охотники посвататься, пусть подходят в очередь и попытают судьбу свою. Царь Косарь никого не неволит. А уж если кто подойдёт да вынет из сосуда камешек, тому будет то, что сказано!

Затрубили опять трубы, и из радужного шатра вышел высокий молодой человек, одетый в праздничные одежды. С улыбкой подошёл он к помосту и сказал глашатаю:

— Я желаю попытать счастье!

— Входи, — ответил глашатай.

Молодой человек поднялся на помост. С другого конца поднялся на помост палач. У зрителей сильнее забились сердца.

Юношу поставили на самый конец доски, и она перестала качаться. С одного бока подошёл к нему палач с тяжёлой железной цепью в руках, а с другого бока подошёл глашатай с золотым сосудом. Палач надел жениху на шею цепь и обвил ею грудь ему крест-накрест и завязал узлом на спине. А глашатай поднёс сосуд и чуть приподнял пелену, чтобы могла только пройти в чашу рука.

— Счастье либо смерть, — сказал он спокойно юноше. — Вынимай.

— Конечно, счастье! — улыбаясь, воскликнул юноша и, зажмурив глаза, опустил по локоть руку на дно сосуда, где и выбрал роковой камень.

Все затаили дыхание, когда рука его под пеленою начала возвращаться из чаши.

Когда он высвободил руку и развернул ладонь, лицо его сразу побледнело и глаза словно остановились: на ладони лежал красный камень.

Ничего не успел он ещё выговорить, как глашатай махнул пеленой в сторону палача. Палач изо

всей силы рванул доску с другого конца — и юноша, опутанный железными цепями, не успев даже вскрикнуть, полетел с обрыва вниз, в глубокую реку, и только широкий круг по воде на мгновение указал место, где он упал.

Солнце сияло, чирикали вокруг птицы. И вновь затрубили трубы.

Из радужного шатра вышел другой молодой человек и сказал глашатаю:

— Может быть, я буду счастливее.

Глашатай положил обратно в сосуд красный камешек и ответил:

— Может быть, будешь счастливее. А может быть, и не будешь. Вынимай. Увидим.

И со вторым юношей случилось то же, что с первым.

Когда опять затрубили призывом трубы, из радужного шатра вышли сразу все оставшиеся там трое и сказали Косарю, что жребий отнимает очень много времени, что сегодня им недосуг и что они приедут в следующий раз вынимать камешки.

Царь Косарь своей выдумкой был очень доволен и сам себе весь вечер всё говорил:

— Ну и царь Косарь! Ну и умная голова!..

IV

Так и повелось это далее. Когда приезжал кто-нибудь свататься, ему объявляли условия — и он либо бежал без оглядки, покуда цел, либо тянул жребий и погибал в глубине реки. Вытащить светлый камень никому не удавалось.

«Что, звездочёт? — радовался Косарь и мысленно торжествовал над пустынником. — Не на то небо ты, знать, глядел, когда мою судьбу видел. По печным горшкам, знать, предсказывал, а не по звёздам!»

Но прекрасная, ясная Зоренька становилась всё грустней. Жалко ей было удалых молодцов, которые гибли из-за неё безрассудно, да и самой было скучно жить в одиночестве, с бабками да с мамками, с шутихами да с приспешницами.

Загрустила Зоренька. Ни на какое веселье не отзывается. Мамка Лукерья все средства перепробовала; наконец привела во двор двух гусяров; один был старый и слепой, другой, поводырь, хоть и молодой, но горбатый, точно на спине у него куль овса под одеждой. Заблудились певцы, потеряли дорогу, а поют хорошо и жалостливо, обещают петь и весёлого сколько угодно,— вот и привела их Лукерья; усадила, напоила и позвала Зореньку послушать.

Дивные песни знали гусяры. Поют как будто печальное, даже слёзы на глаза иногда набегают, а на душе от них хорошо и легко. Что за чудеса такие!.. А когда весёлое запоют, так и начинают у всех ноги притопывать, руки шевелиться, плечи подёргиваться...

Понравились Зореньке гусяры.

Велела она прийти им ещё раз назавтра.

На прощанье, пока мамку Лукерью горбач забавлял и смешил рассказнями, слепой старик пропел Зореньке такую песню, что она слушала и дивилась. Пел ей старик о храбром юноше, который нарядился нищим слепцом и пошёл с гусями в дом красавицы девушки, чтоб полюбоваться её красотой, и, когда увидел, полюбил её на всю жизнь. А поутру пришёл к родителям свататься. И были они с той поры счастливы до самой смерти.

Не знала Зоренька, на что и подумать.

Певцы поклонились и поплелись на ночлег под навес на скотном дворе. Обещались завтра ещё попеть и позабавить.

Они ушли, а Зоренька так свою думу и не доду-

мала. Когда уж все спать полегли и кругом всё затихло, отворила она окошко в сад, в тихую, тёплую, душистую ночь; и долго стояла и слушала соловья, а сама всё думала о чём-то несбыточном, вздыхала тайком от самой себя, и казалось ей, что она спит и что всё это во сне, а наяву ничего не было — ни старика слепца, ни песни его про счастливого юношу...

V

Поутру пришли опять гусяры. Никого в саду в это время не было. Мамка Лукерья уселась чулок вязать, а Зоренька велела слепцу петь вчерашнюю песенку.

Зазвенели гусли, запел старик.

Зоренька растрогалась, чуть не плачет. Вдруг видит, что слепой глядит на неё молодыми, радостными глазами. А потом сдёрнул с себя седую бороду, скинул шапку с белыми пришитыми волосами и шепчет ей:

— Красавица! Зоренька! Осчастливь: будь моей суженой, моей любимой!

Вспыхнула в ответ Зоренька, задрожало у неё сердце, и руки, и ноги... Глядит — и глазам не верит...

Подняла глаза и Лукерья: почему пение вдруг прекратилось? Взглянула — да как заревёт благим матом:

— Батюшки-светушки!.. Разбойники, мошенники!

Но Зоренька скорей зажала ей рот рукой:

— Тише, тише! Что ты, мамушка! Или ты гибели желаешь молодым певцам?

Не знает Лукерья, что теперь делать. Закричать — всех погубить; молчать — себя погубить. На силу отдышалась с перепугу.

А Зоренька всё уговаривает:

— Не кричи, мамушка. Пожалей молодцов.

Первым спохватился горбатый. Опять забренчал он громко на гусях и запел разудалую песню, будто ни с кем ничего и не случилось.

— Ступайте! Ступайте вы от греха! — зашептала Лукерья, а сама от волнения еле дышит. — Ступайте с глаз долой! Ну вас совсем!

И певцы ушли. Только не сразу. Обещали мамушке хороший подарок, когда придут на днях свататься, а после свадьбы любовь, и почёт, и всякое уважение.

— Да какая там свадьба! — сказала на это Лукерья. — Или не знаете вы условий царя Косаря?

— Знаю я условия царя Косаря! — воскликнул бывший слепец. — Я верю в своё счастье, и прекрасная Зоренька будет моей женой. А если не будет, так мне и жизни не надо!

Стала уговаривать и Зоренька не тянуть жребия: никто не вынимал ничего, кроме смерти.

— Пожалей себя, юноша! Не сватайся за меня, несчастную.

Потом заплакала и сказала:

— А я тебя никогда не забуду!

Но как ни убеждала его отказаться от сватовства, юноша знать ничего не хотел.

— Будешь, Зоренька, будешь женой моей любимой! Никому теперь не уступлю тебя! И камень я вытяну непременно счастливый!

Измучилась Зоренька. Сердце её терзалось от жалости. Ведь погибнет ни за что молодец, а белого камня не вытянет. А почему? Да потому, что царь Косарь кладёт в сосуд оба камня красные: какой ни возьми — всё равно смерть.

Долго не решалась она сказать это юноше. Сказать такое дело про родного отца!.. Как ни мучилась, как ни боялась, а всё-таки решилась и сказала.

— Оба красные? — омрачился юноша и на миг заколебался: как быть?

Потом вдруг воскликнул:

— Тем лучше!

Все с удивлением поглядели на него. А он подтвердил:

— Если оба камня красные, тогда без ошибки скажу: уж теперь, Зоренька, будешь ты наверно моею невестой!

Он был так рад, так сияло его молодое лицо, точно он услышал не ужасную новость, а самое приятное известие.

— До завтра, Зоренька!.. До завтра, милая мамушка Лукерья! Помните вашего верного и счастливого Переяслава!

И оба гусяра поспешно удалились.

VI

Трубят, гремят на крутом берегу призывные трубы.

Царь Косарь сидит перед золотым своим шатром и поглядывает на помост. А на помосте стоит глашатай с золотым сосудом и палач с тяжёлыми цепями. Внизу, под обрывом, плещется широкая река — могила всех женихов царской дочери, несясь над быстриной белые чайки. Над головами ясное голубое небо, солнце сияет, жизнь и радость во круг...

Из радужного шатра выходит Переяслав. Он молод и строен. Одет в скромную дорожную одежду, русые волосы кудрями рассыпались по плечам. Он очень красив и радостен. Белый душистый цветок приколот на груди; этот цветок прислала ему Зоренька — на счастье. Его верный товарищ, бывший горбун, тоже стройный и красивый юноша, идёт

следом за ним и останавливается у помоста, а Переяслав всходит на помост.

Много знатных гостей съехалось сегодня к царю Косарю; есть даже посланники соседних царей и ханов. И в золотом шатре Косаря сегодня присутствуют женщины: Зоренька, бледная как смерть, и мамушка Лукерья; у неё сердце сегодня дрожит как осиновый лист и дух прерывается со страху

Зоренька глаз не сводит с золотого сосуда и с палача. Но вот пришёл Переяслав, и она уж ничего и никого не видит. Трепещет вся от ужаса... И верит она Переяславу, и знает в то же время, что в чаше нет светлого камня. Что Переяслав затеял? Как избежит он верной смерти, не понимает Зоренька, и душа её болит от ожидания беды. А палач уже надевает на юношу тяжёлые цепи, чтобы не выплыл.

— Либо счастье, либо смерть, — спокойно говорит глашатай, приподнимая парчу, и Переяслав опускает руку в сосуд.

Всё замерло в ожидании.

Все глаза устремились на Переяслава. Он смотрит в сторону Зореньки и улыбается светлой улыбкой.

Вот потянулась рука обратно. Дело сделано. Возврата нет. Зоренька перестала дышать, ноги её подкашиваются.

Переяслав поднял высоко руку с зажатым в ней жребием. Среди молчания и тишины раздаётся его твёрдый голос:

— Я так уверен в своём счастье, что не хочу и глядеть на камень!

И он со всего размаху бросил камень в реку

— Какой же у тебя был? — закричал в испуге глашатай.

— Конечно, белый! — воскликнул Переяслав. — Мое счастье всегда со мной. Вынь и посмотри, какой остался в сосуде. Там должен остаться красный.

Вынули из чаши камень. Никто, кажется, не

дышал, пока его вынимали. Даже царь Косарь и тот чуть не задохся.

— Гляди! — радостно воскликнул Переяслав.

Глашатай положил на ладонь вынутый камень и громко объявил всем:

— Остался красный!

Гром рукоплесканий встретил этот ответ. Хлопали в ладоши знатные гости, хлопали посланники соседних царей и ханов, хлопали придворные свидетели, кричали и стучали радостно зрители и дружина. А царь Косарь сидел и глядел, точно не понимал ничего; глядел направо, глядел налево и видел только одно: что все радуются и что теперь уже ничего не поделаешь.

«Напредсказал, собака звездочёт!»

Зоренька бросилась отцу на шею и, рыдая от счастья, целовала его и обливала слезами.

Палач развязал цепи и с грохотом бросил их на помост.

Переяслав под звуки труб и новых рукоплесканий сошёл с помоста и направился прямо к Зореньке, взял её за руку и громко спросил Косаря:

— Отвечай при всём народе: отдаёшь ли мне ясную Зореньку в жёны?

Опять всё затихло. Все глаза устремились на них троих.

Царь Косарь снял шапку, почесал затылок и молча положил Переяславу обе руки на плечи и трижды поцеловался с ним. И когда целовался, успел шепнуть, чтобы никто другой не слышал:

— Ну и хитёр же ты, зятюшка!

Переяслав ему в ответ тоже шепнул, когда целовался:

— Ну и ты, батюшка, тоже не промах!

На том и покончили.

Объявили помолвку, гостей пригласили и вскоре сыграли весёлую свадьбу. Зореньке казалось, что

счастливей её нет никого на свете. И царь Косарь был доволен зятем, но всё же не мог примириться с мыслью, что тот у него «перенял славу» самого умного человека на свете.

— На то он и Переяслав! — сказал Косарю однажды звездочёт, с которым они опять встретились после охоты. — Погоди, он у тебя ещё и не то переймёт! Всему своё время.

Царь Косарь ему ответил:

— Ну, это ты по печным горшкам так видишь, а не по звёздам!

Однако домой он вернулся не в духе и весь вечер побряхтывал и почёсывал затылок, а ночью плохо спал и всё думал: «Ах, звездочёт-лиходея! Ах, собачий ты сын, чего напредсказал ты на мою голову!»

1921

САМОЕ ЛУЧШЕЕ

Бродил однажды пастух Демьян по лужайке с длинным кнутом на плече. Делать ему было нечего, а день стоял жаркий, и решил Демьян искупаться в речке.

Разделся и только влез в воду, глядит — на дне под ногами что-то блестит. Место было мелкое; он окунулся и достал с песка маленькую светлую подковку, величиной с человеческое ухо. Вертит её в руках и не понимает, на что она может годиться.

— Разве козла подковать, — смеётся Демьян сам с собою, — а то куда годна такая малявка?

Взял он подковку обеими руками за оба конца

и только хотел попробовать разогнуть или сломать, как на берегу появилась женщина, вся в белой серебряной одежде. Демьян даже смутился и ушёл в воду по самую шею. Глядит из речки одна Демьянова голова и слушает, как женщина его поздравляет:

— Твоё счастье, Демьянушка: нашёл ты такой клад, какому равного нет во всём белом свете.

— А что мне с ним делать? — спрашивает Демьян из воды и глядит то на белую женщину, то на подковку.

— Иди отпирай скорей двери, входи в подземный дворец и бери оттуда всё, что захочется, что понравится. Сколько хочешь бери. Но только одно помни не оставь там самого лучшего.

— А что там самое лучшее?

— Прислони-ка подковку вот к этому камню, — указала рукой женщина. И опять повторила: — Бери всего сколько хочешь, куда не будешь доволен. Но когда назад пойдёшь, то не забудь унести с собой самое лучшее.

И исчезла белая женщина.

Ничего не понимает Демьян. Огляделся по сторонам: видит перед собой на берегу большой камень, у самой воды лежит. Шагнул к нему и прислонил подковку, как говорила женщина.

И вдруг разломился камень надвое, открылись за ним железные двери, широко распахнулись сами собой, и перед Демьяном — роскошный дворец. Как только протянет он куда свою подковку, как только прислонит её к чему, так все затворы перед ним растворяются, все замки отпираются, и идёт Демьян как хозяин, куда только вздумается.

Куда ни войдёт, везде несметные богатства лежат. В одном месте громадная гора овса, да какого: тяжёлого, золотистого! В другом месте рожь, в третьем пшеница: такого зерна белоярого Демьян

никогда и во сне не видывал. А дальше — крупа, потом орехи, ягоды, яблоки, горох — всего не перечтёшь.

«Ну, дело! — думает он. — Тут не то что себя самого прокормишь, а на целый город на сто лет хватит, да ещё останется».

Идёт дальше и только дивится: огромные чаны стоят с молоком, с мёдом, с шипучей водой.

«Ну-ну! — радуется Демьян. — Раздостал я себе богатство!»

Беда только в том, что взошёл он сюда прямо из речки, как был — нагишом. Ни карманов, ни рубашки, ни шапки — ничего нет, не во что положить.

Вокруг него великое множество всякого добра, а вот насыпать во что, или во что завернуть, или в чём унести — этого ничего нет. А в две горсти много не положишь.

«Надо бы сбегать домой, мешков натаскать да к берегу подвести лошадь с телегой!»

Идёт дальше Демьян — полны комнаты серебра; дальше — полны комнаты золота; ещё дальше — драгоценные камни: зелёные, красные, синие, белые — все блестят, горят самоцветными лучами. Глаза разбегаются; неизвестно, на что и глядеть, чего желать, что брать. И что здесь самое лучшее, не понимает Демьян, не может впопыхах разобраться.

«Надо скорей за мешками бежать», — одно только и ясно ему. Да ещё досадно, что не во что сейчас положить хоть немножко.

«И что я, дурак, шапку давеча не надел! Хоть бы в неё!»

Чтоб не ошибиться и не забыть взять самое лучшее, Демьян нахватал в обе горсти драгоценных камней всех сортов и цветов и пошёл скорей к выходу.

Идёт, а из горстей камешки сыплются. Жаль, что руки малы: кабы каждая горсть да с горшок!

Идёт он мимо золота, думает: а вдруг оно самое лучшее? Надо взять и его. А взять нечем и не во что: горсти полны, а карманов нет.

Пришлось сбросить лишние камешки и взять хоть немножко золотого песочку.

Пока менял Демьян впопыхах камни на золото, все мысли у него разбрелись. Сам не знает, что брать, что оставить. Оставить — всякую малость жалко, а унести нет никакой возможности: у голого человека ничего, кроме двух горстей, для этого нет. Побольше наложит — валится из рук. Опять приходится подбирать да укладывать. Измучился Демьян, наконец, и решительно пошёл к выходу.

Вот вылез он на берег, на лужайку. Увидал свою одежду, шапку, кнут — и обрадовался:

«Вернусь сейчас во дворец, насыплю в рубашку добычу и кнутом завяжу — вот и готов первый мешок! А потом и за телегой сбегая».

Выложил он свои драгоценности из горстей в шапку и радуется, глядя на них, как они блестят и играют на солнце. Поскорее оделся, повесил кнут на плечо и хотел было идти в подземный дворец за богатством, но никаких дверей перед ним уже нет, а лежит по-прежнему на берегу большой серый камень.

— Батюшки мои! — закричал Демьян, и даже голос его взвизгнул. — Где же моя маленькая подковка?

Он позабыл её в подземном дворце, когда спешно менял камни на золото, ища самого лучшего.

Только теперь он понял, что самое лучшее-то он и оставил там, куда теперь без подковки никогда и ни за что не войдёшь.

— Вот тебе и подковка!

Бросился он в отчаянии к шапке, к своим дра-

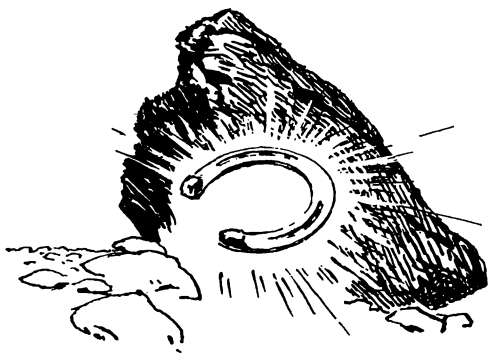
гоценностям с последней надеждой: а не лежит ли среди них «самое лучшее»?

Но в шапке была теперь только горсть речного песка да горсть мелких полевых камешков, какими полон весь берег.

Опустил Демьян и руки и голову.

— Вот тебе и самое лучшее!.

1919

СОДЕРЖАНИЕ

КРУПЕНИЧКА	3
ЗОРЕНЬКА	10
САМОЕ ЛУЧШЕЕ	• 26

Для младшего возраста

Николай Дмитриевич Телешов

ЗОРЕНЬКА

Сказки

ИБ № 3823

Ответственный редактор
Н. П. П о с в я н с к а я

Художественный редактор
Н. И. К о м а р о в а

Технический редактор
Е. В. П а л ь м о в а

Корректор
Л. И. Д м и т р ю к

Сдано в набор 25.02.79. Подписано к печати 20.06.80.
Формат 60×90^{1/16}. Бум типогр № 2. Шрифт латинский.
Печать высокая Усл печ л. 2 Уч.-изд. л 1,23 Тираж
1 000 000 экз Заказ № 1127 Цена 5 коп

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1 Ордена
Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга»
№ 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Москва, Сушеvский вал 49

Отпечатано фотополимерных форм «Целлофот»

Телешов Н. Д.

Т31 Зоренька: Сказки/ Рис. И. Година.— М.: Дет
лит. 1980.— 31 с. ил.— (Книга за книгой)

5 к.

В книгу вошли сказки: «Крупеничка», «Зоренька» «Самое лучшее».

Т $\frac{70802-379}{M101(03)80}$ 214—80

P1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1981 году для школьников младшего возраста выходят следующие произведения русских писателей-классиков и фольклора:

ЗОЛОТЫЕ СЕРВЫ.

Русские народные сказки

Некрасов Н. ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ.

Стихи

Сергеев-Ценский С. АРАКУШ.

Рассказы.